

Алексей Лютый

Рабин, он и в Африке Гут

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Лютый, А.

Л96

Рабин, он и в Африке Гут / А. Лютый. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 510 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-517-00297-6

Зачем ехать в отпуск за тридевять земель, когда можно путешествовать во времени. Только задорная тройца ментов – кинолог Рабинович, омоновец Жомов и криминалист Попов – заскучала после своих приключений в Камелоте и на Олимпе, как им выпал супербонус. Теперь им предстоит проявить свои недюжинные способности во время исхода евреев из Египта!

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00297-6

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

ЧАСТЬ I

Пришла беда — отвори ворота

Глава 1

Нет, да что же они такое вытворяют?! Вы только посмотрите. Олухов таких когда-нибудь видели?.. Куда же ты бьешь, урод колченогий? Пас отдай. Отдай, гад, кому говорю!.. Ну вот, доводился...

— Мурзик, заткнись! Замолчи, говорю. А то телевизор выключу.

Вот всегда так! И сам ничего в футболе не понимает, и мне нормально посмотреть не дает. Ну скажите, где вы видели, чтобы за какую-нибудь команду молча болели? Да когда они, идиоты, такое делают, тут идохлый кот заорет. Впрочем, ладно. Попробую болеть потише. А то мой альфа-лидер и вправду шнур из розетки выдернет. Носом-то кнопку я еще нажать могу, а вот вилку в розетку вставлять не рискую. У меня, видите ли, хватательных конечностей нет, а пасть, как вы сами понимаете, она мокрая. Не дай бог, что-нибудь закоротит, а мне двести двадцать вольт в зубы получать не хочется. Впрочем, как и в любое другое место...

Здрас-с-сьте, приехали! Как это, кто я такой? Память совсем отшибло? Я — Мурзик, пятилетний кобель немецкой овчарки самых чистых кровей. А почему у меня

имя кошачье, так это вы у моего хозяина спросите. Вон он, на диване сидит. Делает вид, что читает, а у самого меланхолия. Дней десять уже. Сидит, как «сникерсами» накормленный, и даже девок кадрить не ходит. Вечером меня за поводок по аллее за две минуты протащит и сразу домой бежит. Печаль на сердце у Рабиновича, видите ли...

Кто такой Рабинович?.. Вам что, в ветлечебнице трепанацию черепа на соседнем с котом операционном столе делали и ваши мозги с его перепутали? Я же сказал, он мой хозяин. На диване сидит и свой длинный нос ниже колен свесил. На шотландскую овчарку сейчас похож. Только окрас не тот. А вот глаза точно такие же печальные...

Откуда я знаю, почему он печальный! И вообще, что вы ко мне со своими вопросами пристаёте? У меня что, на лбу «09» написано?.. А я и не психую. Просто устал уже. Посмотрел бы я, если бы вам целыми сутками пришлось с брюзгой находиться, который только и делает, что жалуется или ворчит... Ах, вы меня понимаете? Говорите, что у вас в семье та же история. Ну что же, рыбак рыбака видит издалека, как бы мой хозяин сказал. Он у меня хоть и мент — причем до корней волос, вон и сейчас на диване в форме и с дубинкой сидит — но о-очень большой любитель разных поговорок. Иногда их даже сам выдумывает...

Все, хватит вопросов! Что вы прямо как следователь из седьмого кабинета. Он и в общении с друзьями после каждой фразы вопросы задает, даже если сам ответ знает. Теперь и вы туда же. Не нужно меня пытаться. Сам все расскажу. Выложу, как на духу, а вы уж потом

сами решите, туда вы обратились, куда нужно, когда захотели со мной пообщаться, или вам лучше к психиатру пойти.

Начнем с начала. Меня зовут Мурзик. Фамилия — Рабинович. Длинноносый меланхолик на диване — это мой хозяин. Фамилия у него такая же, правда, с именем ему больше повезло. Зовут его Сеня, ну а в полном варианте — Семен Абрамович. Оба мы работаем в милиции... Да-да, в милиции! Так что о методах допроса знаем не понаслышке. Сегодня у нас выходной, вот поэтому Сеня и бездельничает на диване, а я смотрю матч «Спартак» по телевизору. Точнее, смотрел, пока вы не появились. Но не будем о грустном.

Сразу скажу, историю нашей жизни пересказывать вам не буду. Конечно, интересного в ней много, но я об этом уже говорил и повторяться не хочу. Так что, если будет желание узнать, с чего все началось, загляните на книжные прилавки — там мои откровения имеются. Я же могу рассказать только то, о чем еще не знает никто (неужто рифма? Поэтом, видимо, с тоски становлюсь!).

Уже прошло без малого семь месяцев с тех пор, когда мы наконец-то вернулись домой. Зевс был водворен в надлежащее ему место, взбунтовавшийся Мерлин вернулся в объятия короля Артура, а мы — в свой отдел внутренних дел (ну чем не стихи?), где все стало вновь на свои места: Матрешкина засадили обратно на место дежурного, Кобелев (правильная фамилия!) опять самоназначился начальником отдела, Жомову позволили носить омовскую форму, а меня перестали выгонять на улицу. Ну а самым интересным было то,

что никто из наших коллег не помнил о той путанице, которая совсем недавно в отделе царила.

Зато все прекрасно знали, что мы на работу почти на четыре часа опоздали. Жомову вклеили выговор, Андрюша отделался предупреждением, поскольку до того момента считался образцово-показательным сотрудником, а моего Сеню лишили премии. Наверное, в любое другое время Рабинович из-за этого вырвал бы последние волосы на голове Попова (не у себя же их от отчаяния драть!), но тогда на такую страшную для любого еврея кару — хуже может быть только концлагерь, и то об этом кое-кто мог бы поспорить — мой хозяин даже внимания не обратил. Более того, он умудрился даже свое обещание сдержать и бросившимся на амбразуру в здании ФСБ Жомову с Поповым по литру водки поставил. Сам тоже пил. Не облизываться же!

В общем, по возвращении на Родину мои соратники устроили настоящий гудеж, со всей соответствующей атрибутикой — разгромом кабака, мордобитием и распеванием удалых ментовских песен типа «Позови меня с собой». Утром все проснулись, собрались мчаться на поиски Зевса, вспомнили, что его уже нашли, снова обрадовались и продолжили любимое развлечение — поглощение водки. Правда, в этот раз оказались умнее и, несмотря на похмелье, заявили в отдел, написав заявления на отгулы. Подполковник Кобелев подписывать их не хотел, но, увидев бестолково-счастливые, опухшие морды троих друзей, решил, что будет лучше отправить их по домам, потребовав, однако, чтобы в форме по городу не шастали, честь мундира не позорили и плохой пример обывателям не подавали.

Рабинович от этого приказа ошалел. Для моего Сени отказ от милицейской формы одежды был такой же трагедией, как для меня покраска шерсти гидроперитом, поскольку Рабинович других нарядов не признает. Он даже хотел обратно свое заявление забрать, лишь бы в отвратительном гражданском костюме на людях не показываться, но ради друзей одумался. Не бросать же их одних! Или пропадут, или Сенину долю выпьют, и еще большой вопрос, есть ли между этим разница.

Пили мои менты ровно три дня и три ночи. Хотя про ночи я приврал. Каждый вечер, ровно в девять часов, Жомова, где бы мы ни были, отыскивали жена с тещей и уводили домой. Под конвоем. При этом они клятвенно обещали моему хозяину и Андриюше, что Ваню им больше не видать, как своих ушей (тоже мне проблема! а зеркало на что?). Однако Жомов каждое утро совершал героический поступок, каким-то невероятным образом умудряясь сбежать из дома. Ну а к исходу третьего дня, когда у омовца с криминалистом кончились все «заначки», а прижимистый кинолог отказался их спонсировать, гулянка затихла сама собой.

Вы не подумайте только, что мой Сеня садист. Утром, по дороге на работу, он не поспешил купить каждому по бутылке пива, но не более того. Впрочем, друзьям лишнего и не требовалось, поскольку каждый из них понимал, что водки много, а с дежурства в лес не убежишь. Так у нас и начались серые рабочие будни. Жомов вернулся к себе в ОМОН, Попов зарылся в любимой лаборатории, Рабинович, как всегда, увиливал от работы, а я заново обживал свою персональную вольеру.

Знаете, никто из людей не заметил того, как изменились мои друзья. Все-таки и загар у них появился, и лица обветренные стали. Даже двигаться они по-иному начали — больше легкости и пружинистости в походке. Спрашивается, откуда все это за сутки могло взяться? Ведь, несмотря на все наши похождения, мы даже двух дней в нашем мире не отсутствовали. Однако людям было и невдомек о таких вещах подумать, а вот мои соседи по вольерам — Рекс и Альбатрос — перемену во мне сразу уловили.

Я вам, кажется, говорил, что оба этих кобеля были восточноевропейцами. Не знаю, с чего уж они решили считать свою породу более аристократичной, но свое презрение ко мне старались подчеркнуть каждый раз, когда мы вместе оказывались, — нос воротили, фыркали презрительно, мои персональные метки залить пытались и вообще утрировали каждый мой поступок. Особое удовольствие им доставляло потешаться над моим именем. Уж как они только надо мной из-за этого не издевались. До того меня довели, что мне даже снится стало, как я их встречу в темной подворотне, когда рядом со мной хозяина не будет или Рабинович напьется и мне с этими вырожденками собачьи бои организует. Но это так и оставалось мечтами, а мне приходилось терпеть выходки наглых кобелей, делая вид, что ни Рекса, ни Альбатроса на белом свете вообще не существует.

Вот и в тот раз, когда меня Сеня в вольеру помещал, оба восточноевропейских недоумка приготовились начать очередную потеху. Оскалили пасти в ехидных улыбках и собрались облить меня очередной порцией